

В последующие дни я говорил всем, кто интересовался папиным самочувствием:

- Сейчас ничего определённого сказать не могу. Вы позвоните вечером. Как раз его жена будет дома. Она вам всё объяснит...

Вернувшись с работы, мама усаживалась в коридоре, возле столика с телефоном, и беспрерывно разговаривала с теми, кого я днём просил позвонить.

Больные, врачи, медсёстры, которые звонили папе, каждый раз спрашивали:

- А какая температура?

К сожалению, температура у папы была невысокая. А мне хотелось, чтобы все они продолжали волноваться о его здоровье! И я однажды сказал:

- Температура? Не знаю... Разбит градусник. Но лоб очень горячий. И вообще, мечется!..

Так я в тот день стал отвечать всем. Я говорил шёпотом в коридоре, чтобы папа не слышал. Мой шёпот на всех очень действовал. И мне отвечали тоже чуть слышно:

- Всё ещё плохо?

- Да... Позвоните попозже, когда будет его жена!

Вечером нам принесли целых четыре градусника.

- Хочется, чтобы у него была нормальная температура, - тихо сказала та самая женщина, сыну которой папа должен был что-то вырезать. И протянула мне градусник. - Он всё ещё мечется?...

- Нет, уже лучше, - сказал я.

- Поставьте ему этот градусник, - попросила она. Будто от градусника что-то зависело.

По-моему, есть заметное улучшение, - вновь успокоил я женщину.

Она заплакала и ушла.

Когда-то, в юные годы, мама любила ученика музыкальной школы, который играл на виолончели. И даже стал лауреатом всероссийского конкурса. "Далеко пошёл!.." - любила говорить о нём бабушка.

- Неужели вы думаете, - сказал я на кухне маме и бабушке, - что если б ваш виолончелист заболел гриппом, ему бы столько